

Надо уметь успокоиться и выплыть

Вот уже более полувек народный артист России Борис Владимирович ИВАНОВ работает в Театре им. Моссовета. Он снялся в сотне фильмов, записал три с половиной тысячи телевизионных передач, прочел на радио около сорока тысяч страниц художественного текста. Сегодня его занятости в репертуаре может позавидовать любой популярный артист. Он играет в восьми спектаклях текущего репертуара, а это значит, что в свои 80 лет Борис Иванов почти каждый вечер выходит на сцену театра, который моложе его на три года.

— Борис Владимирович, вы ощущаете, что ваш роман с театром — это целая эпоха?

— 57 лет. Но я не могу сказать, что это так долго и что мне надоело. Нет. Никогда. Это обстоятельство имеет свои пригорки и ручейки, но клянуся, я чувствую себя в театре так же, как и в первые годы. Может быть, это патологично, но я люблю ходить в свой театр. Может быть, это высокопарно, но мне есть что подчищать, я знаю, что могу что-то сделать лучше. Это, конечно, похоже на идиотизм, потому что в мои годы уже принято все делать хорошо и не мучиться. Но я люблю быть учеником.

Я из Одессы. Один дворовый приятель ухаживал за милой девушкой, которая жила у нас во дворе, а в Одессе вся жизнь во дворе. Девушка пела в опере и однажды подарила мне контрамарку в Одесский оперный театр. Потом она обратила внимание на то, что я, гуляя во дворе, насвистывал мелодии, которые слышал в театре, и делал это довольно точно. Скоро я понял, что мне нравится ходить в театр. Там я познакомился с ребятами, и они пристроили меня в оперные статисты. Я работал статистом лет с тринадцати-четырнадцати, так что желания получить другую профессию у меня не возникло. Конечно, смешно в Одессе не хотеть быть моряком. Но я был рыжий, белотелый и не очень храбрый. Моряком быть хотел, но плавать не умел. И вот однажды я пошел со своими знакомыми ребятами на пляж. Это знало, что мне дома дали с собой кусочек хлеба с маслом и помидорчик. Они купались, а я сидел на берегу. После очередного заплыва кто-то из них сказал: "Ну теперь, Борик, тебе надо купаться". Я стал сопротивляться, но скоро понял — если я сам не прыгну, то они меня толкнут в воду все равно. И я прыгнул, ушел под воду, наглотался воды, потом поднялся и понял, что надо успокоиться и тогда ничего страшного не произойдет. Этот случай я запомнил еще и потому, что, попадая потом в разные жизненные переделки, я всегда старался успокоиться и "выплыть". С пятого по десятый класс каждое лето я трудился где придется, а зимой постоянно работал в оперном театре. Нам платили по рубль пятьдесят за вечер. В домашний бюджет я приносил рублей сорок, а лично для себя я получал огромное удовольствие от музыки. К старости становившиеся зловредным, но мне почему-то жалко сегодняшних молодых людей пятнадцати

цати — семнадцати лет, увлеченных только голами, очками и секундами. А мы бегали из своих гримерок вниз, к нотам "си-бемоль" и "си", которые пел тенор. Бегали слушать — возьмет или "петуха даст". Еще бегали смотреть на девчонок с длинными ногами и в пачках. Так было до тридцать седьмого года. Я поступил в театральное училище, и уже в тридцать девятом меня взяли в Одесский русский драматический театр им. Иванова и дали роль в спектакле "Сентиментальный вальс". Я играл вместе с Агеевым, Волковым и уже стеснялся ходить работать статистом в оперу. Я окончил училище 22 июня 1941 года, и меня оставляли в драматическом театре. Но началась война, и я ушел на фронт. Дальше — как у всех: фронт, меня ранило. Я всегда настаиваю на этом окончании, потому что на войне не говорили "ранили", а говорили "ранило". Это от Бога, это суждено — ранило. Я даже видел сон, что меня убило, но этого не произошло. В госпитале я долго умирал. Умирал, умирал, но в результате выжил. После госпиталя оказался в Рыбинске, в театре. Там мне очень не нравилось. Я погрязал в чем-то неинтересном. Я очень хотел уйти, но меня не отпускали. Не потому, что считали хорошим артистом, просто в театре совсем не было молодых мужчин на роли. Тогда я удрал в Москву, но это плохо кончилось. Меня посадили. После я все же приехал в столицу и вот уже почти шесть десятков лет хожу на работу в Театр им. Моссовета.

— Меняются времена, меняется театр, происходит смена поколений. Какие перемены для вас особенно болезненны?

— Счастлив, что не заражен болезнью, которой сегодня страдают почти все, кто попадает на сцену, на телевидение, в кино. Каждый день и от всех кому не лень слышу кошмарную фразу: "Я в своем творчестве..." В Театре Моссовета я знал больших, великих артистов нашего времени и никогда не слышал от Любови Орловой или Юрия Завадского, от Веры Марецкой, Фаины Раневской или от Ростислава Глотовых этих чудовищных слов — "я в своем творчестве". А сейчас любой недоумок, который чешет свою гитару, повторяет их постоянно и без всякого стеснения.

Думаю, умение видеть, что ты что-то делаешь плохо в своей профессии, — это тоже частичка таланта. Ведь после неудачной работы в спектакле идешь домой и постоянно распутываешь клубочек

Фото Ю. КУДРЯВЦЕВОЙ

того непонятного, что у тебя не получилось. А как же иначе? После спектакля я продолжаю работать. Я много лет играл с Георгием Тараторкиным спектакль по роману Достоевского "Преступление и наказание". Он — Раскольников, я — Порфирий. После спектакля мы всегда оставались и выясняли, что не получилось, а что удалось.

— В театр приходят молодые актеры. Они другие? Они действительно чем-то отличаются от актеров вашего поколения?

— Отличаются. Иногда мне бывает страшно, когда в такой театр, как Театр им. Моссовета, приходят молодые, у которых вроде бы все есть, чтобы стать хорошими артистами, но одно отсутствует — профессия. Они талантливы. Они могут, но не знают как! Был я когда-то в нашем театре Борей, потом Борисом Владимировичем, теперь стал дядей Борей. Молодые часто показывают мне фотографии с кинопроб. Смотрю и вижу: все позы принимают, будто она или он — это чайник красивый, а глаза везде одинаковые. Вот в чем беда. Как это может быть? Или есть у молодого артиста две реплики, и он произносит их совершенно одинаково. Как это может быть? А это потому, что их не научили ремеслу. В театре слово "ремесло" считается позорным. А между тем ничего ругательного здесь нет. Ведь ремесло — это набор простых, но очень нужных умений, которыми надо хорошо пользоваться, и тогда они подготовят почву для вдохновения. Как любил повторять Юрий Алек-

сандрович Завадский пушкинское: "Когда слова рождает не память рабская, но чувство..." Вахтангов сказал: "Надо уметь хотеть и надо хотеть уметь!" Прекрасный каламбур, емкости невероятной! Но на это надо тратить силы, время, а не приходить на репетицию пустым.

— Виновата школа? Или это отсутствие интереса к профессии?

— И сами виноваты, и школа виновата. Очень часто преподают люди, которым не повезло в театре. Это большой грех. Талант учительства — редкость. Хороший актер может адресировать мальчика или девочку на одну роль. Но надо научить так, чтобы у молодого актера появился свой метод, с помощью которого он разберется в механизме отношений. Дети умеют слушать сказки, а актеры обладают талантом "рассказывать". Я имел честь работать с Фаиной Георгиевной Раневской и Ростиславом Яновичем Пляттом в спектакле "Дальше — тишина...". В зале — слезы, мокрые платки и изредка тихие "спасибо", "спасибо". Вот стоящий театр, и я его люблю. Я не против песен и танцев, но актер должен принести в любое действо что-то свое, личное. Так было с рок-оперой "Иисус Христос — суперзвезда" в постановке Павла Хомского, когда группа молодых людей задумала сыграть историю об Иисусе так, как они ее знают и понимают. И это замечательно получилось. Я с удовольствием принимаю участие в этой работе! Здесь есть уверенность, чистота молодости, наивность, свое представле-

ние о том, кто прав, а кто виноват.

— Судьба артиста и судьба театра, в котором он работает, связаны неразрывно. В вашей жизни и в жизни театра бывали времена, когда особенно трудно работало?

— Плохо не работать. Это скажет любой актер.

А для Театра Моссовета сложными были те годы, когда надо было отстаивать право ставить хорошие пьесы. О Завадском много говорят и разное, но, как правило, не очень умное. Да, у нас шли "поделки" Сурова, Софронова, но потом мы играли Ибсена и Достоевского. Сейчас модно говорить: "Мы — шестидесятники!" Полноте, ребята. Сидеть на кухне, пить водку и шептаться о том, что происходит, — это не шестидесятничество, если угодно употребить такой термин. Шестидесятники гнили в тюрьмах, их выгоняли из страны.

— Вы никогда не думали оставить Театр имени Моссовета?

— Никогда! Есть такая притча: если ты мой друг, значит, ты мне обязан. Нет. Ты — мой друг, значит, я тебе обязан. Этот театр — моя жизнь. Я не могу не прийти на спектакль даже по уважительной причине. Прихожу, даже если болен. Я не стесняюсь быть учеником. Моя корона от этого не упадет, а богаче я, несомненно, буду. Как же я могу подвести человека и весь театр!